

Наталья Новик, заведующий отделом истории Беларуси конца XVIII – начала XX века Института истории НАН Беларуси, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск, Беларусь) (n.novik@icloud.com)

СОЗДАНИЕ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ В МОЛОДЕЧНО КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: ЗАМЫСЕЛ И РЕЗУЛЬТАТЫ (1862–1870 гг.)

Ключевые слова: учительская семинария, Министерство народного просвещения, Виленский учебный округ, педагогический эксперимент, начальное народное образование, крестьянство, обучение, воспитание.

В статье показаны условия, ход и результаты педагогического эксперимента, проведенного властями Российской империи по созданию учительской семинарии в Молодечно. Рассмотрены итоги работы по выявлению целей обучения и воспитания будущих учителей в соответствии с особенностями их сословного, национального и конфессионального состава, по решению вопросов продолжительности учебного курса, содержательного наполнения программ и методов преподавания различных предметов. Уделено внимание заключительному этапу эксперимента и последующему внедрению полученных наработок в практическую деятельность педагогических учебных заведений.

160 лет назад, в 1864 г., в местечке Молодечно Виленской губернии появилось новое профессиональное учебное заведение – учительская семинария. Судьба этого начинания сложилась благополучно: удалось успешно преодолеть трудности этапа становления, выйти за узкие местные рамки, послужить образцом для подобных учреждений в иных регионах Российской империи, сыграть роль подлинного «народного университета» и подготовить множество государственных, общественных и культурных деятелей, оставивших яркий след в отечественной истории. Однако нам не стоит упускать из виду, что основоположникам семинарии пришлось идти почти неизведанной дорогой, действовать путем проб и ошибок, а их детище в любой момент могла постигнуть неудача.

Интерес к осмыслению этапа становления Молодечненской учительской семинарии обозначился рано – еще в 1860-е годы, когда ее первые шаги фиксировались и изучались по горячим следам непосредственными свидетелями и участниками событий [5, 7–9]. Наиболее полное отражение обстоятельства создания учебного заведения нашли позже, когда отмечалось его 50-летие: в историческом очерке А. В. Ярушевича и содержательной статье Н. В. Знойко [6, 33]. Отдельные аспекты деятельности семинарии в контексте правительственной политики, развития начальной школы и подготовки народных учителей рассмотрены в трудах И. П. Корнилова, А. В. Белецкого, А. И. Миловидова по истории Виленского учебного округа [2, 3, 11, 12, 21]. Перечисленные исследователи, тщательно изучив законода-

тельные акты и материалы делопроизводства, приведя подробные фактические данные, дали в целом позитивную оценку работы органов власти и отдельных ее представителей в процессе создания нового очага просвещения, способствовавшего повышению культурного уровня белорусских крестьян [33, с. 12–13]. Тем не менее в своих взглядах дореволюционные авторы не были едины: на рубеже XIX–XX вв. в исследованиях историков либеральных воззрений остро наметилась критическая линия в отношении государственной образовательной политики, как, например, у Н. В. Чехова, который в создании учительской семинарии в Молодечно видел в первую очередь способ решения самодержавной властью специфической задачи по «поднятию русских школ в крае» [31, с. 165].

Советские авторы при разработке данного сюжета следовали в основном в проложенном либеральной историографией русле, усматривая в быстром открытии семинарии, в содержании обучения и воспитания в ней проявления национального угнетения и русификации [13, 14, 23, 30]. Современные отечественные исследователи при объяснении причин создания и дальнейшей характеристике педагогического учебного заведения в Молодечно в основном сохраняют курс в сторону политической мотивации властей, стремившихся оказать противодействие польскому влиянию [4, 20, 29]. Хотя намерение правительства использовать учреждения для подготовки учителей начальной школы в качестве одного из инструментов решения внутривластных задач в крае на самом деле имело место, через преломле-

ние такой оптики теряется колоссальный созидательный эффект просветительской деятельности основоположников семинарии.

В некоторых историографических трудах имеются неточности и фактические ошибки, связанные с периодом становления учебного заведения в Молодечно. Не совсем верным представляется сделанное в дореволюционный период и сохранившееся в публикациях советских, а также современных авторов утверждение о том, что она являлась первой учительской семинарией в Российской империи [6, с. 228, 242; 29, с. 198; 30, с. 66; 31, с. 165]. Ее создание, несомненно, положило начало формированию системы подготовки педагогических кадров для начальных школ, но учительской семинарии в Молодечно в других регионах Российской империи предшествовал ряд учебных заведений, носивших такое же наименование, причем вопрос о первенстве какого-либо из них сегодня представляется трудно разрешимым. В отдельных работах приводится ошибочная дата открытия семинарии [24, с. 88; 31, с. 165].

До настоящего времени специалисты в области истории образования не уделили должного внимания тому обстоятельству, что появление в 1864 г. учительской семинарии в местечке Молодечно Виленской губернии представляло собой основательно продуманное на теоретическом уровне и успешно осуществленное на практике экспериментальное мероприятие. Являясь площадкой для апробации модели подготовки учителей из народа, она с самого начала стала объектом серьезного внимания, всестороннего анализа и обобщения полученного опыта на страницах ведомственной периодики и в органах управления разного уровня. В этой связи в данной статье представляется целесообразным рассмотреть условия, ход и результаты проведенного властями Российской империи педагогического эксперимента по созданию Молодечненской учительской семинарии, которая предназначалась для обеспечения кадрами нового, зарождавшегося в 1860-е годы сегмента образовательной системы – массовой начальной народной школы.

Подготовительный этап педагогического эксперимента. На рубеже 1850–60-х годов периодическая печать заполнилась полемическими статьями и заметками о несостоятельности прежних методов воспитания в семье и школе, необходимости реформировать всю систему образования [32, с. 93]. Общество как бы пыталось компенсировать свое прежнее равнодушие и нежелание заниматься обучением низших слоев населения и, по словам современников, подобно эпидемии, было охвачено стремлением просветить безграмотную Россию [19, с. 1]. Вопрос обеспечения начальных школ педагогическими кадрами приобрел особое звучание, стал предметом дискуссий среди заинтересованных лиц, а также детальной проработки в кабинетах органов государственного управления разного уровня.

Неспокойная политическая обстановка в белорусско-литовских губерниях вывела этот вопрос из стадии обсуждения на путь практической реализации. Решающий момент наступил, когда в 1861–1863 гг. администрацию Виленского учебного округа возглавил князь А. П. Ширинский-Шихматов, сторонник вытеснения польских частных начальных школ из местного образовательного пространства и создания учебных заведений нового типа – народных училищ для крестьян с русским языком обучения [2, с. 58]. Приступая к построению сети начальных школ, он думал о подготовке для них кадров и обращал внимание Министерства народного просвещения на то, что с закрытием Витебской учительской семинарии, действовавшей в 1834–1839 гг., округ лишился своего «рассадника первоначальных учителей» [27, с. 144–145]. Хотя до настоящего времени не обнаружены документы, позволяющие точно определить, кому же все-таки принадлежит пальма первенства в выдвижении инициативы создания учительской семинарии – А. П. Ширинскому-Шихматову или же министру народного просвещения А. В. Головнину, можно согласиться с дореволюционными историками Н. В. Знойко и А. В. Белецким, которые отмечали здесь решающий вклад попечителя.

Как известно, в конце 1862 г. А. В. Головнин получил разрешение императора Александра II на использование не израсходованных по смете министерства денег на организацию «в виде опыта» учительских семинарий в Виленском и Киевском учебных округах. Иными словами, выделялось финансирование для проведения мероприятия, которое в современной терминологии именуется педагогическим экспериментом и представляет собой научно поставленный опыт преобразования педагогического процесса в точно учитываемых условиях [15, с. 31]. А. В. Головнин основной замысел планируемой акции обозначил так: подготовить учредительные документы, на их основе временно создать небольшую, мало затратную с материальной точки зрения учительскую семинарию и в случае ее успешной деятельности составить проект постоянного учебного заведения с увеличенным объемом финансирования [6, с. 230]. Таким образом, министр намеревался организовать опытную проверку предложенной идеи в естественных условиях учебно-воспитательного процесса и с учетом имеющихся возможностей, а по сути, провести созидательный, формирующий эксперимент, чтобы в его процессе сконструировать модель нового учреждения образования.

Предшествовавшие открытию семинарии события можно считать подготовительным этапом, в ходе которого происходили планирование и создание необходимых условий для эксперимента. Сначала следовало тщательно проанализировать зарубежный и отечественный опыт подготовки педагогов; выя-

вить его позитивные результаты, противоречия и недостатки; в общих чертах определить теоретические основания, создать концепцию обучения и воспитания учителей для начальных народных школ в условиях Российской империи; разработать собственный проект будущего учебного заведения; выбрать экспериментальную площадку для его апробации.

Поскольку на тот момент отсутствовали отчетливые представления о способах решения поставленных задач, в рамках подготовительных мероприятий требовалось основательное изучение истории вопроса. К середине XIX в. учительские семинарии существовали как особый тип образовательных учреждений и убедительно доказали жизнеспособность в европейской практике, продемонстрировали свою эффективность в плане подготовки кадров. Наиболее заметные успехи по обеспечению начальной школы квалифицированными специалистами выделяли Германию и Швейцарию, и эти страны не случайно находились в авангарде педагогического образования [22, с. 122–124]. На рубеже 1850 – начала 1860-х годов определенный опыт деятельности учительских семинарий уже имелся и в Российской империи, прежде всего в прибалтийских губерниях, где особенно ощущалось немецкое влияние. Кроме того, подобные учреждения возникли в Санкт-Петербурге, Москве и других городах, однако они сильно отличались друг от друга, имели лишь локальное значение и вряд ли могли служить в качестве ориентира для Виленского учебного округа. Что же касается кратковременного существования в 1834–1839 гг. Витебской учительской семинарии, основной контингент обучавшихся в ней составляли дворяне, а проектируемое педагогическое учебное заведение предназначалось преимущественно для крестьян, следовательно, полученные наработки в новых условиях не имели существенного значения.

В целях углубленного ознакомления с зарубежным опытом министр народного просвещения отправил в Германию и Швейцарию преподавателя немецкого языка Санкт-Петербургской гимназии Н. П. Авенариуса, который подвел итоги своей командировки на страницах «Журнала Министерства народного просвещения». Обобщая полученные сведения, он попытался вычленив придававшие единство немецким учительским семинариям основания [1, с. 306], определить возможность их практического применения в российских условиях. Заметим, что автор критически оценил воспитательную работу и подготовку по общеобразовательным предметам, обратил внимание на «казарменную» жизнь, мрачные стены, унылые молодые лица, «беспрерывное, судорожное, но почти всегда бесплодное учение с раннего утра до позднего вечера», а достойными подражания нашел лишь преподавание методики начального обучения и практические занятия [1, с. 297, 318].

На основании полученных наблюдений предстояло подготовить учредительные документы семинарии – проект устава и штаты (в современной терминологии – штатное расписание). При этом приходилось учитывать сложность, новизну дела, препятствия, которые могли возникнуть в отношении привлечения достойных людей для реализации задуманного. В разработке документов принимали участие вернувшийся из командировки Н. П. Авенариус и окружной инспектор Виленского учебного округа В. П. Кулин. Апеллируя к европейскому опыту, они называли народное образование делом первостепенной важности, аксиомой, не требующей доказательств. Полезность и своевременность создания педагогического учебного заведения составители проекта устава стремились подтвердить не только теоретическими выкладками, но и успешными результатами деятельности начальных школ Дерптского учебного округа, обеспеченного кадрами из числа выпускников семинарий [18, л. 118–119, 125]. Уже на подготовительном этапе в основном проявились контуры будущего учреждения: оно предназначалось преимущественно для выходцев из крестьян, должно было требовать мало затрат с финансовой точки зрения, за короткий срок обучения давать максимально возможный набор знаний и умений, чтобы удовлетворять как можно больше образовательных и культурных запросов сельского населения, а также способствовать решению специфических задач властей на территории Северо-Западного края.

Предварительная проработка вопроса позволила А. П. Ширинскому-Шихматову 20 апреля 1863 г. изложить министру народного просвещения А. В. Головнину соображения относительно создания двух учительских семинарий в пределах Виленского учебного округа. Необходимость такого шага он обосновывал особенностями состава сельского населения, которое относилось к двум народностям – белорусской и жмудской, отличалось друг от друга языком, верой, историей, следовательно, требовало различных подходов к обучению. Попечитель представил министру «Проект устава для Белорусской учительской семинарии» и предложил открыть ее в Молодечно [6, с. 234]. Как видим, с подачи А. П. Ширинского-Шихматова было выбрано место для семинарии, а ее наименование свидетельствовало об осведомленности администрации учебного округа в вопросах этнического происхождения местного населения и признании факта существования «белорусской народности». Правда, обучение и воспитание учителей для белорусских школ предполагалось вести «в духе православия и русской народности» [18, л. 61–61 об.].

В поиске людей, которым можно было поручить проведение педагогического эксперимента, попечитель прекрасно понимал, что им придется доверить подготовку учителей в крае, а значит, «передать

в их руки всю будущность народного образования и его нравственное направление» [18, л. 5]. Кроме того, на трудную работу в небольшом местечке высококвалифицированных специалистов следовало привлекать заработной платой и другими материальными благами, например выделением жилья [18, л. 126]. В представленный проект Министерство народного просвещения внесло изменения относительно уменьшения финансирования. А. П. Ширинский-Шихматов в основном согласился с этими поправками, но по-прежнему отстаивал назначение преподавателям жалования более высокого размера, и к его мнению прислушались [6, с. 237–238].

Заметим, что подготовительные мероприятия по созданию нового учреждения образования проводились в непростых условиях восстания 1863–1864 гг., смены руководства Виленского генерал-губернаторства, а затем и учебного округа. Министерство народного просвещения препроводило представленный проект на предварительное заключение к генерал-губернатору М. Н. Муравьеву, а после его одобрения направило на рассмотрение в Государственный совет [3, с. 59]. Итогом организационных мероприятий стало утверждение 25 июня 1864 г. императором Александром II «Положения о Молодечнянской учительской семинарии» [27, с. 1183]. 8 ноября 1864 г. состоялось торжественное открытие учебного заведения, на котором присутствовали местные представители власти и православные священники, а затем последовала ответственная и напряженная работа по претворению задуманного в жизнь [26].

Апробация модели учительской семинарии.

Согласно учредительным документам, семинария в Молодечно создавалась в качестве учреждения образования с финансированием из государственной казны для подготовки молодых людей всех сословий к должностям учителей в Северо-Западном крае. Основной этап педагогического эксперимента предполагалось проводить на протяжении четырех лет, чтобы показать на деле «коридор возможностей» учебных заведений проектируемого типа.

Непосредственное наблюдение и фиксацию результатов работы экспериментальной площадки вела администрация Виленского учебного округа, в лице как попечителей, так и назначенных для этой цели инспекторов. На первых порах, когда нужно было решить ряд хозяйственно-бытовых и организационных вопросов, попечители округа И. П. Корнилов, а затем П. Н. Батюшков лично вникали в различные стороны жизни семинарии, находили силы и время по несколько раз в год посещать Молодечно [33, с. 17]. Ключевую роль на этапе становления семинарии сыграли первый директор А. И. Забелин, бывший член комиссии по крестьянским делам, а также законоучитель протоиерей М. Ивановский и учитель математики Л. Г. Малишевский [33, с. 17].

Отслеживать эффективность работы помогали открытые экзамены, проходившие в присутствии окружных инспекторов, директоров народных училищ и некоторых других приглашенных лиц. Еще одним способом отражения результатов эксперимента явилась публикация аналитических материалов на страницах периодических изданий. В 1867–1869 гг. накануне запланированного пересмотра «Положения» Молодечненской учительской семинарии вышла серия статей А. И. Забелина, М. И. Ивановского, А. Иванова в «Журнале Министерства народного просвещения». Данное авторитетное издание предоставило сторонникам различных мнений площадку для собственных теоретических выкладок, наблюдений и рекомендаций, а также дала возможность педагогическому сообществу и учебной администрации ознакомиться с ними и учесть в практической деятельности.

Как свидетельствуют источники, в процессе осуществления эксперимента развернулась оживленная полемика по многим вопросам, в том числе о пригодности Молодечно для расположения семинарии с учетом различных факторов. В результате А. И. Забелин и воспринявший его аргументацию И. П. Корнилов стали сторонниками перевода учебного заведения в другое место, а их основным оппонентом выступил законоучитель М. Ивановский.

Изначально принципиальными преимуществами Молодечно считались наличие здания и финансовых средств упраздненной прогимназии, располагавшейся в корпусе бывшего монастыря тринитариев. В этом отношении учредители последовали соображениям здравого смысла и влиянию европейской практики, согласно которой большая часть немецких учительских семинарий размещалась в служивших ранее другим целям постройках, например старинных замках и монастырях [1, с. 280]. Следует признать удачность сделанного выбора, так как здание исправно прослужило на протяжении всего периода существования семинарии и сохранилось до наших дней.

Столкновение мнений произошло по поводу целесообразности размещения учебного заведения в Молодечно с точки зрения природных условий. Камнем преткновения стали частые болезни глаз у воспитанников¹, вызванные, как казалось, нехваткой хорошей проточной воды и частыми ветрами, поднимавшими облака мелкой пыли [5, с. 406; 25, л. 2]. Законоучитель М. Ивановский объяснял причины заболевания колоссальной нагрузкой, которая обрушилась на непривычных к учебе крестьянских юношей, и несоблюдением ими правил гигиены [8, с. 150–152]. Данная дискуссия не прошла бесследно: она привела к постановке и решению в последующем своевременного вопроса об обеспечении семинарии медицинской помощью.

¹ В статье термины «воспитанники», «учащиеся», «семинаристы» употреблены как синонимы.

А. И. Забелин не без оснований называл Молодечно захолустьем, лишенным удобств городской жизни [17, л. 73]. Действительно, на момент создания семинарии там еще не был проложен железнодорожный путь, местечко находилось довольно далеко от г. Вильны, где располагалось управление округа. Много сил и времени директора и вышестоящей учебной администрации отнимали мучительные переезды по проселочным дорогам, создавая существенные препятствия для рабочих контактов. Проживание в маленьком населенном пункте нельзя было назвать комфортным, так как многие предметы первой необходимости приходилось привозить с собой или же отправляться в город за покупкой продовольствия и таких вещей, как сундук, сапоги, фуражка [25, л. 2 об.], причем ближайший уездный центр – г. Вилейка – не всегда мог удовлетворить эти потребности. Возражая директору, законоучитель на первый план выдвигал весомые преимущества Молодечно: более низкую стоимость проживания по сравнению с городами и некоторыми другими местечками; достаточно удобное расположение на пересечении почтовых трактов, в том числе на дороге из Вильны в Минск [8, с. 153–154].

Сразу решение властей в пользу Молодечно было обусловлено возможностью выбора кандидатов на учительские должности из местных жителей православного вероисповедания. Однако позже И. П. Корнилов и А. И. Забелин стали называть этот населенный пункт одним из наиболее «ополяченных» в Виленской губернии, говорить о стойком «шляхетском духе», сформированном в нем в результате деятельности упраздненной прогимназии [25, л. 3]. С утверждениями о чрезмерном польском влиянии не соглашался законоучитель, иронично именовавший повстанцев 1863 г. «лесными Дон-Кихотами минувшего мятежа» и утверждавший об отсутствии их широкой поддержки среди преобладающего православного населения [8, с. 152–153]. Изначально учредители семинарии направили свой взор в сторону небольшого местечка, которое, по их мнению, в отличие от городов не создавало соблазнов для воспитанников и давало педагогам больше возможностей для контроля, но и тут все было не однозначно. И. П. Корнилов указывал на недостаток подходящих для учеников квартир с благонадежными хозяевами при наличии воинского постоя, около десятка кабаков и «неразумного распутства» в них [25, л. 3 об.].

Возникшие сомнения в отношении пригодности Молодечно способствовали выдвижению И. П. Корниловым предложения о перемещении семинарии в Горки, где он видел возможность использовать материальную базу закрытого земледельческого института в целях приобретения будущими народными учителями полезных сведений по сельскому хозяйству [25, л. 3 об.]. Сложно выявить причины отказа от его плана или намеченного на 1866 г. перевода

учебного заведения в г. Соколку Гродненской губернии, но не стоит исключать возможное влияние позиции М. Ивановского, который усматривал в этом намерении «несчастье для семинарии во всех отношениях» [8, с. 155].

В итоге на примере Молодечненской учительской семинарии, равно как и других профессиональных школ, видно, как шел поиск критериев подходящего месторасположения для них, как власти испытывали затруднения в выработке четкой линии и нередко полагались на волю случая. Поскольку создание «с нуля» всей учебной инфраструктуры являлось чрезмерно затратным, новые центры подготовки специалистов предпочитали открывать именно там, где имелась материальная база (здания упраздненных учреждений религиозного культа или образования). В этом свете попытка государства действовать с учетом европейского опыта и минимизировать свои издержки выглядит совершенно естественной.

Приступая к отбору кандидатов на обучение, организаторы семинарии пытались эмпирическим путем определить требования к предварительной подготовке и оптимальный возраст кандидатов на обучение. Приемная кампания осуществлялась в конце августа, когда абитуриенты демонстрировали на экзаменах знания главных молитв, краткой священной истории и катехизиса, умение громко, свободно и отчетливо читать, писать под диктовку, считать, знать четыре действия арифметики. По результатам испытаний в 1864 г. в первый класс зачислили 30 казенных стипендиатов и 10 своекоштных (содержащих себя за собственный счет) воспитанников первого класса, юношей не моложе 17 лет, православного вероисповедания, здоровых и без физических недостатков. Обобщая опыт вступительных экзаменов, директор отмечал крайне невысокий уровень познаний абитуриентов [5, с. 408].

Далее в ходе эксперимента следовало выяснить оптимальную продолжительность обучения. «Положение» Молодечненской учительской семинарии предусматривало двухлетний курс, на протяжении которого в первый год обучения полученные в сельской школе знания дополнялись программой первого класса, а второй год обучения предназначался в основном для приобретения практических навыков работы в начальном училище [27, с. 1182]. Однако уже через полгода после начала занятий выяснилась недостаточность отведенного срока [17, л. 72 об.], особенно с учетом того, что возможности освоения учебных дисциплин молодыми выходцами из крестьян с их слабой предварительной подготовкой в течение такого короткого времени находились практически на пределе.

Окружной администрации и педагогам предстояло определиться по принципиальному вопросу о целях обучения и воспитания и в соответствии с ними выстроить подготовку специалистов. Вни-

мательное прочтение источников убедительно опровергает характерное для советской историографии утверждение о том, что в полном соответствии с политическими целями создания учительских семинарий ведомство просвещения осуществляло в них и учебно-воспитательную работу, которая была «полицейски заужена, направлена к тому, чтобы не дать развиваться самостоятельной мысли будущих учителей» [23, с. 142].

На самом деле стоявшие у истоков педагогического образования люди в соответствии с характерными для поколения 1860-х годов мировоззренческими установками стремились дать народу определенный набор полезных на практике знаний, умений и навыков и одновременно побудить его к внутреннему духовному росту. Показательны в этом плане рассуждения А. И. Забелина о цели воспитания в семье и обществе, которые он видел в подготовке индивида к самостоятельной жизни, а значит, в приобретении таких необходимых качеств, как развитое мышление, склонность к интеллектуальной деятельности, самообладание, сила характера, привычка опираться на собственные возможности [5, с. 413]. При этом оторванная от нравственного воспитания «полубразованность» беспокоила просветителей гораздо больше, чем обычное невежество. Неслучайно уже во время разработки учредительных документов семинарии отмечалось, что она должна содействовать развитию ума воспитанников и облагораживать их чувства христианским учением [17, л. 33 об.]. Под влиянием опыта деятельности немецких педагогических учебных заведений моральным качествам будущего наставника народной школы придавалось приоритетное значение [1, с. 290].

По мере проведения эксперимента все более отчетливо закладывалось понимание учительских семинарий как «питомников миссионеров для улучшения нравственного и физического быта простого народа» [5, с. 422; 9, с. 1]. В этом контексте власти намеревались через посредничество учителей решать следующие задачи: поддерживать среди крестьянства основанную на твердых основах православия нравственность, преданность престолу, верность закону и правительству, любовь к отечеству; распространять полезные в быту практические сведения; укреплять семейные ценности, трудолюбие и удовлетворенность своим положением; противодействовать «шляхетским претензиям» и склонности к выходу из «скромного сельского состояния» [18, л. 5 об.]. Будучи реалистами, основоположники семинарии осознавали подстерегавшую выпускников опасность оказаться в маргинальном положении среди невежественных и нередко пьющих крестьян, понимали чрезвычайную сложность просветительской миссии учителей, но призывали стремиться к ее выполнению [9, с. 2].

Определяя подходы к содержанию и методам обучения, педагоги того времени старались обеспе-

чить не слишком обширное, но твердое изучение дисциплин учебного курса, сознательное и самостоятельное усвоение воспитанниками материала, а вовсе не его примитивное заучивание [5, с. 413]. При этом они закладывали практико-ориентированный характер семинарской подготовки, предполагавшей формирование профессиональных компетенций, навыков будущих учителей в сочетании с их одновременной адаптацией к жизни в социуме.

Краеугольным камнем учебно-воспитательного процесса являлся Закон Божий, который выступал в роли мировоззренческой дисциплины, служил звеном, связующим все предметы обучения и направляющим их к единой цели [9, с. 2], способствовал формированию у воспитанников «нравственной устойчивости», приобретению знаний отвлеченного характера, необходимых для внутреннего духовного роста. Обращает на себя внимание тот факт, что данный предмет рассматривался в качестве не менее эффективного средства интеллектуального развития учащихся, чем любая другая учебная дисциплина [5, с. 165]. Содержание и методы преподавания Закона Божия в курсе учительской семинарии подверг теоретическому осмыслению протоиерей М. Ивановский, посвятив этому вопросу подробную статью в «Журнале Министерства народного просвещения». Под руководством законоучителя семинаристы продвигались в направлении осознанного усвоения основ православного вероучения, о чем свидетельствует отзыв инспектора, посетившего Молодечно в 1868 г. [16, л. 19].

На втором месте в иерархии учебных дисциплин после Закона Божия в учительской семинарии стоял русский язык. И такое положение не выглядит случайным, так как усвоивший его народный учитель из местных жителей виделся живым проводником языка в народную среду [5, с. 416], а следовательно, посредником между белорусскими крестьянами и российскими властями. В качестве одного из важнейших показателей успешности семинарского обучения отмечалась правильная устная речь воспитанников на русском языке. Как показала проверка, семинаристы в произношении только слегка выдавали свое белорусское происхождение, а из 51 учащегося нашелся всего лишь один, произносивший звук «я» вместо «е» (яму, япископ, вярста). Письменные работы с точки зрения грамматики вызвали не слишком много замечаний, но не в полной мере удовлетворили инспектора в содержательном отношении ввиду слабой начитанности воспитанников [16, л. 24]. Общий результат говорил о том, что учитель и ученики сделали максимум возможного в плане овладения русским языком, его изучение способствовало тренировке памяти, обогащало «скудную речь белоруса» новыми понятиями, словами и оборотами, несло в себе потенциал интеллектуального роста учащихся.

Не менее сложной задачей в период становления Молодечненской учительской семинарии являлся отбор учебного материала по русской истории, в которую необходимо было включить сюжеты из прошлого Северо-Западного края. Окружной инспектор отметил мастерский подход к построению данного курса с учетом региональной специфики и успехи учеников Ю. Ф. Крачковского [16, л. 25, 27–27 об.]. Этот незаурядный педагог и ученый проводил в семинарии также уроки пения.

В данной связи стоит упомянуть первостепенное значение, которое придавалось организации музыкального образования со стороны руководства Виленского учебного округа во главе с И. П. Корниловым [10]. В то время музыка и пение в католических костелах оказывали необычайно сильное воздействие на чувства простого народа, нередко служили одним из побудительных мотивов для перехода православных в католицизм. Поэтому в начальных школах пение вводилось в качестве обязательного предмета, в местностях с преобладанием православного населения устраивались церковные хоры, а семинария, по задумке основателей, должна была готовить учителей с набором компетенций в этой области. Здесь в очередной раз сказалось заметное влияние немецкой педагогической практики с ее повышенным вниманием к обучению музыке будущих педагогов. Увлеченный преподаванием пения, Ю. Ф. Крачковский сумел сделать хор из своих учеников одним из лучших в Северо-Западном крае [5, с. 419]. Не все произведения удавалось исполнять одинаково успешно: отмечая монотонное звучание великорусских веселых и плясовых песен, окружной инспектор восхищался церковным пением, которое невольно заставило задуматься о том, как могли крестьянские юноши за такой короткий срок овладеть нотной грамотой и заучить столько отдельных музыкальных номеров. Администрация округа с удовлетворением отмечала высокий уровень хорового исполнения воспитанников, благодаря чему семинарская церковь заполнялась жителями Молодечно и окрестностей, а исполняемая в католических храмах музыка становилась менее привлекательной в глазах населения [16, л. 13]. С самого начала были заложены настолько высокие стандарты обучения, что впоследствии некоторые воспитанники учительских семинарий любовь к искусству проносили через всю свою жизнь, становились иногда неплохими исполнителями, а в отдельных случаях даже известными оперными певцами, как, например, М. И. Забэйда-Сумицкий, В. А. Селях-Качанский, К. В. Пуровский. Более того, советские педагогические училища долгое время сохраняли дореволюционные традиции основательной музыкальной подготовки будущих учителей начальной школы.

На этапе становления семинарии апробации подлежал вопрос о введении в учебный курс физического воспитания и освоении воспитанниками прак-

тически полезных ремесел и сельского хозяйства. Судя по источникам тех лет, педагоги проводили занятия по гимнастике, обучали воспитанников подвижным играм [16, л. 35]. Наличие навыков какого-либо ремесла и улучшенных приемов ведения сельского хозяйства А. И. Забелин считал не только хорошим подспорьем в материальном отношении для педагогов народных школ, но и средством наполнения их жизни «благородным трудом» [5, с. 423]. М. И. Ивановский поддерживал распространенную в воззрениях многих современных ему деятелей образования идею о плодотворности преподавания основ сельского хозяйства в целях приобщения воспитанников к достижениям аграрной науки [8, с. 154]. Разделяя мнение о полезности освоения ремесел, законоучитель предостерегал от поверхностного взгляда на этот вопрос, подчеркивал сложность организации эффективного обучения на примере личных наблюдений в Молодечно [8, с. 156]. В качестве форм учебной деятельности выступали работы в мастерских по плетению, изготовлению корзин и мебели, предметов, необходимых на приусадебном участке. Вместе с тем отдельные моменты организации трудового воспитания заставили законоучителя вступить в полемику с директором, выразить сомнение в целесообразности привлечения учащихся к перетаскиванию бревен или рытью канав [8, с. 157]. Несмотря на отмеченные просчеты, в расширении семинарского курса за счет занятий по ремеслу и сельскому хозяйству отчетливо прослеживается практико-ориентированный подход, который приближал обучение к реальным жизненным потребностям белорусских крестьян.

Ко всему прочему данный подход составлял основу ключевого компонента учебного курса – педагогической практики, проходившей среди воспитанников выпускного класса в народном училище при семинарии. Изначально занятия велись по слегка видоизмененной ланкастерской системе взаимного обучения: под контролем преподавателя практикант вел уроки при помощи двух ассистентов; через неделю он уходил в класс, его место занимал первый ассистент, второй занимал место первого и так далее по списку в алфавитном порядке [33, с. 23]. Как можно видеть, народное училище выполняло функцию своеобразной педагогической лаборатории, где молодые люди приобретали навыки преподавания под руководством опытных наставников. Показательно, что до настоящего времени именно практическая направленность является наиболее сильной стороной деятельности учебных заведений соответствующего профиля.

Заключительный этап педагогического эксперимента. Подведение итогов проделанной в Молодечно работы, формулирование выводов и практических рекомендаций велось на разных уровнях – локальном (педагогический коллектив учительской семинарии), региональном (администрация Вилен-

ского учебного округа, губернаторы, генерал-губернаторы, представители других местностей) и центральном (Министерство народного просвещения). И. П. Корнилов высоко ценил первого директора А. И. Забелина, считая, что тот сообщил деятельности семинарии «правильное и вполне безукоризненное, истинное православное русское направление и сумел дать будущим народным наставникам из крестьян образование без всякой примеси шляхетских претензий, к чему так склонны здешние жители и от чего их так трудно уберечь» [25, л. 1]. У попечителя сложилось общее положительное впечатление от выпускных экзаменов, так как воспитанники продемонстрировали отчетливое чтение на церковнославянском и русском языках, способность решать практически применимые в жизни села задачи по математике и низшей геодезии, умение петь по нотам церковную музыку и народные песни, навыки в ремеслах [12, с. 205]. Со стороны М. И. Ивановского исходила вполне реалистичная оценка этапа становления нового учреждения по подготовке кадров учителей, прозвучал призыв позитивно относиться к результатам, кажущимся на первый взгляд скромными [8, с. 146]. Некоторые представители российской научно-педагогической мысли рекомендовали при организации начальной школы рассматривать в качестве образца не иностранные государства, а Виленский учебный округ [7, с. 129–130]. Тем не менее они не считали пользу учительских семинарий достаточно подтвержденной практически, подвергали сомнению необходимость «отрывать здорового крестьянина от сохи», затрачивая на его обучение и развитие большие средства, призывали не возлагать в этом плане неоправданных надежд и не отказываться от других способов подготовки педагогов [7, с. 113, 124].

По мере накопления опыта обозначились слабые места в деятельности семинарии, были выявлены определенные пробелы в ее нормативных документах. К числу насущных изменений относились следующие: увеличение продолжительности обучения и количества учащихся; освобождение народных учителей от всех сословных повинностей, включая рекрутскую; активное распространение среди сельского населения информации о возможности получения профессии педагога [16, л. 12, 17 об., 36]. В общем итоги первых лет работы Молодечненской учительской семинарии свидетельствовали о ее превращении в полноценное учебное заведение педагогического профиля за небольшой промежуток времени и при весьма ограниченных финансовых вложениях.

Внедрение результатов педагогического эксперимента. Несмотря на наличие дискуссионных моментов и разных точек зрения, полученный опыт лег в основу «Положения» и штатов Молодечненской учительской семинарии, утвержденных 17 мая 1870 г. императором Александром II. В результате

усилилось ее финансирование, курс обучения увеличился до трех лет, минимальный возраст поступающих снизился до 16 лет, отсутствовало прежнее требование о назначении директора и педагогов из «природных русских» [28, с. 6–16]. Новые нормативные документы распространялись на Санкт-Петербургский, Московский, Харьковский, Одесский и Казанский учебные округа, где открывались правительственные учительские семинарии.

Подводя итоги отметим, что в 1860-е годы идея учительской семинарии прокладывала себе дорогу в особой атмосфере возросшего общественного интереса к проблемам просвещения одновременно с возникшей в белорусско-литовских губерниях обстановкой социально-политической нестабильности, которая, впрочем, поспособствовала привлечению интеллектуальных и финансовых ресурсов в Виленский учебный округ. Этой идее удалось подтвердить свою жизнеспособность, поскольку у истоков семинарии стояли такие творчески мыслящие, готовые к новаторской деятельности люди, как А. П. Ширинский-Шихматов, А. В. Головин, Н. П. Корнилов, Н. П. Авенариус, В. П. Кулин, А. И. Забелин, М. И. Ивановский, Ю. Ф. Крачковский. Воплотить основные замыслы на базе площадки в Молодечно позволил свойственный им ценностно-рациональный подход, сочетавший идеалистические устремления с доступными на тот момент средствами реализации. Участники эксперимента не уподобились «кабинетным мечтателям» и сумели организовать его грамотное проведение на научно-теоретическом и практическом уровнях.

Создание Молодечненской учительской семинарии привело к следующим результатам долгосрочного характера: во-первых, в научно-педагогическом отношении послужило для апробации модели основного типа учебного заведения с целью подготовки учителей народной школы; во-вторых, содействовало решению политических задач имперских властей, расширению влияния православной церкви, русского языка и культуры в крае; и наконец, в-третьих, в широком гуманистически-просветительском смысле – положило начало воспитанию «нового» человека из белорусской крестьянской среды, с более высокими по сравнению с представителями собственного сословия интеллектуальными и нравственными качествами, а также способностью осуществлять миссию культурного посредника между общественными верхами и массами народа.

Нацеленность на интеллектуальное развитие и формирование мышления воспитанников, проходившая красной нитью через нормативные документы и деятельность нового центра профессионального образования, не дает основания видеть в нем инструмент национального угнетения белорусов, опровергает широко распространенное заключение советской историографии о намерении царских властей дер-

жать народ в темноте. Напротив, появление этого учебного заведения в образовательном пространстве содействовало привлечению общественного и научного интереса к проблемам формирования кадров учителей, вело к расширению масштабов просвещения и означало существенный шаг вперед в культурном развитии региона. В «имперский» пе-

риод семинария в Молодечно положила начало повсеместному созданию сети аналогичных учреждений, а они, в свою очередь, стали предшественниками советских педагогических училищ и современных педагогических колледжей, сохраняющих и ныне традиции подготовки будущего учителя через его приобщение к передовой практике и опыту.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авенариус, Н. Учительские семинарии в протестантской Германии / Н. Авенариус // Журнал Министерства народного просвещения. – 1863. – № 4. – Отдел педагогики и дидактики. – С. 273–319.
2. Белецкий, А. В. Краткий обзор деятельности управления Виленского учебного округа с 1803 по 1869 г., прочитанный 24 января 1903 г. в торжественном заседании Попечительского совета по случаю 100-летнего юбилея учебного округа / А. В. Белецкий. – Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1903. – 70 с.
3. Белецкий, А. В. Сорокалетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России. (Памяти князя А. П. Ширинского-Шихматова) / А. В. Белецкий. – Вильна : Тип. Вил. Свято-Духовского Братства, 1902. – 64 с.
4. Гулюк, М. А. Молодечненская учительская семинария в период становления (1864–1870) / М. А. Гулюк // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3. – 2004. – № 3. – С. 3–7.
5. Забелин, А. И. Опыт учительской семинарии в Северо-Западной России его указания / А. И. Забелин // Журнал Министерства народного просвещения. – 1867. – № 1 : Отдел педагогики и науки. – С. 394–432.
6. Знойко, Н. К 50-летию Молодечненской учительской семинарии / Н. Знойко // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1914. – № 5. – С. 228–242.
7. Иванов, А. Нужны ли в России в настоящее время учительские семинарии / А. Иванов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1869. – № 6: Отдел педагогики. – С. 95–130.
8. Ивановский, М. По поводу статьи г. Забелина об учительских семинариях / М. Ивановский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1868. – № 1 : Отдел педагогики и науки. – С. 143–170.
9. Ивановский, М. О преподавании Закона Божия в учительской семинарии Северо-Западного края России / М. Ивановский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1869. – Часть CXLIV : Отдел педагогики. – С. 1–7.
10. Комзолова, А. А. Воспитание сельских учителей в Виленском учебном округе в 1860–70-х годах / А. А. Комзолова. – URL: <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/2258-vospitanie-selskikh-uchitelej-v-vilenskom-uchebnom-okruge-v-1860-1870-kh-godakh.html> (дата доступа: 01.12.2023).
11. Корнилов, И. П. Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева. К истории Виленского учебного округа за 1863–1868 гг. / И. П. Корнилов. – СПб., 1898. – III, [1], 240 с.
12. Корнилов, И. П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху / И. П. Корнилов. – СПб. : Тип. А. П. Лопухина, 1901. – 420 с.
13. Кравцов, А. И. Педагогическое образование в Белоруссии в дооктябрьский период / А. И. Кравцов // Ученые записки Минского педагогического института иностранных языков. – 1958. – Вып. 1. – С. 3–63. – (Серия педагогическая).
14. Кузьмин, Н. Н. Учительские семинарии России и их место в подготовке учителей начальной школы (Лекция по истории педагогики) / Н. Н. Кузьмин. – Курган : Курган. гор. тип., 1970. – 102 с.
15. Кушнер, Ю. З. Методология и методы педагогического исследования : учеб.-метод. пособие / Ю. З. Кушнер. – Могилёв : МГУ им. А. А. Кулешова, 2001. – 66 с.
16. Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). – Ф. 567. Оп. 5. Д. 480.
17. ЛГИА. – Ф. 567. Оп. 6. Д. 1614.
18. ЛГИА. – Ф. 567. Оп. 21. Д. 55.
19. Лоначевский, А. И. Грамотность и грамота / А. И. Лоначевский. – Гомель : Типолитография Подземского, арендуемая А. Шимановичем и Г. Брилем, 1891. – 82 с.
20. Лухверчык, В. М. Сярэднія педагогічныя навучальныя ўстановы дарэвалюцыйнай Беларусі / В. М. Лухверчык // Народная асвета. – 2002. – № 1. – С. 67–71.
21. Миловидов, А. Деятельность графа М. Н. Муравьева по народному просвещению в Северо-Западном крае / А. Миловидов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1905. – № 6. – Отдел III. – С. 3–100.
22. Михайлов, А. Основы образования в Европе и Америке / А. Михайлов. – СПб. : Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1874. – XXIV, 383, 66 с.
23. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. – М. : Педагогика, 1976. – 600 с.
24. Паначин, Ф. Г. Педагогическое образование в России (Историко-педагогические очерки) / Ф. Г. Паначин. – М. : Педагогика, 1979. – 216 с.
25. Российский государственный исторический архив. – Ф. 970. Оп. 1. Д. 1044.
26. Сборник документов музея графа М. Н. Муравьева / сост. А. Белецкий. – Вильна : Русский почин, 1906. – Т. 1. – 233 с.
27. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб. : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1865. – Т. III : Царствование императора Александра II (1855–1864). – 1434, 140, 42 стб., [3] с.
28. Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях: Справ. кн. для зем. учреждений училищ, советов, г. г. предводителей дворянства, дир. и инспекторов учит. семинарий и шк. ...

и вообще для лиц, занимающихся делом нар. образования / сост. П. Аннин, по Полн. собр. зак., по Собр. узак. и распор. Правительства и на основании дел М-ва нар. прос. и др. ведомств. – СПб. : Тип. М. И. Попова, 1880. – Ч. IV : Законоположения и распоряжения об учительских семинариях и школах. – II–XI, 366, [1] с.

29. Снапковская, С. В. Развитие образования и педагогической мысли Беларуси: вторая половина XIX – начало XX в. / С. В. Снапковская. – М. : УРАО ИТИП, 2011. – 308 с.

30. Сянькевіч, Г. Г. Настаўніцкія семінарыі ў Беларусі XIX – пач. XX ст. / Г. Г. Сянькевіч // Народная асвета. – 1983. – № 7. – С. 66–69.

31. Чехов, Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века / Н. В. Чехов. – М. : Польза В. Антик и К°, 1912. – 224 с.

32. Эймонтова, Р. Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50–60-е гг. XIX в.) / Р. Г. Эймонтова. – М. : Изд. центр ИРИ РАН, 1998. – 405[2]с.

33. Ярушевич, А. В. Молодечно и его учебные заведения: К 50-летию Молодечненской учительской семинарии / А. В. Ярушевич. – Вильна : Русский почин, 1914. – 70 с.

Наталля Новік,
Інстытут гісторыі НАН Беларусі
(г. Мінск, Беларусь)

СТВАРЭННЕ НАСТАЎНІЦКАЙ СЕМІНАРЫІ Ў МАЛАДЗЕЧНЕ ЯК ПЕДАГАГІЧНЫ ЭКСПЕРЫМЕНТ: ЗАДУМА І ВЫНІКІ (1862–1870 гг.)

Рэзюмэ

Ключавыя словы: настаўніцкая семінарыя, Міністэрства народнай асветы, Віленская навучальная акруга, педагогічны эксперимент, пачатковая народная адукацыя, сялянства, навучанне, выхаванне.

У артыкуле паказаны ўмовы, ход і вынікі педагогічнага эксперимента, праведзенага ўладамі Расійскай імперыі па стварэнні настаўніцкай семінарыі ў Маладзечне. Разгледжаны вынікі работы па выяўленні мэт навучання і выхавання будучых настаўнікаў у адпаведнасці з асаблівасцямі іх саслоўнага, нацыянальнага і канфесійнага складу, па вырашэнні пытанняў працягласці навучальнага курса, змястоўнага напавування праграм і метадаў выкладання розных прадметаў. Нададзена ўвага заключнаму этапу эксперимента і наступнаму ўкараненню атрыманых напрацовак у практычную дзейнасць педагогічных навучальных устаноў.

Natallia Novik,
Institute of History of the National Academy
of Sciences of Belarus (Minsk, Belarus)

FOUNDATION OF THE SEMINARY FOR TEACHERS IN MOLODECHNO AS A PEDAGOGICAL EXPERIMENT: CONCEPT AND RESULTS (1862–1870)

Summary

Keywords: teachers' seminary, Ministry of Public Education, Vilna educational district, pedagogical experiment, primary public education, peasantry, training, education.

The article shows the conditions, progress and results of a pedagogical experiment conducted by the authorities of the Russian Empire to create a seminary for teachers in Molodechno. The results of work are considered that identify the goals of training and education of future teachers in accordance with the characteristics of their estate, national and religious status, solve issues of sufficient duration of the training course, content of programs and methods of teaching various subjects. Attention is paid to the final stage of the experiment and the subsequent implementation of the obtained developments in the practical activities of pedagogical educational institutions.

Дата наступлення ў рэдакцыю: 15.09.2024